

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

М. ИОВЧУК

**ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ
РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ
XIX ВЕКА**

ОГИЗ·ГОСПОЛИТИЗДАТ·1945

Народы Советского Союза законно гордятся великим культурным наследством русского народа, в котором одно из первых мест принадлежит русской классической философии XIX века.

Советский народ имеет полное основание гордиться славными представителями классической русской философии XIX века — Герценом, Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, ибо до распространения марксизма в России они ближе всех других мыслителей человечества подошли к научному объяснению мира.

Мы можем гордиться тем, что Россия с её богатейшими традициями революционной мысли, с её «солидной материалистической традицией», как говорил Владимир Ильич Ленин, сыграла исключительную роль в борьбе за свободу, демократию и счастье народов, что она стала родиной ленинизма.

Россия, ставшая родиной ленинизма, обязана русской классической философии тем, что эта философия в лице Герцена, Белинского, Чернышевского и Добролюбова расчистила почву для восприятия марксистских идей русским революционным движением, для победы марксизма в России.

Ленинизм, как отмечал товарищ Сталин в 1926 г. в своём письме Л. М. Кагановичу и другим членам ЦК КП(б) Украины, есть высшее достижение русской культуры. Ленинизм, выросший и развившийся на базе марксизма, являющийся законным результатом всей многовековой русской и мировой культуры, имеет всемирно-историческое значение, является путеводной звездой миллионов борцов за свободу и счастье народов во всех странах, учением, равного которому по научности и революционности не было и нет.

Без Ломоносова и Радищева, Герцена и Белинского, без Чернышевского и Добролюбова, Пушкина и Толстого, без Лобачевского и Менделеева, Павлова и Тимирязева, без Плеханова и Горького, без Ленина и Сталина русская культура не поднялась бы на столь большую высоту и марксизм в России не мог бы восторжествовать в такой сравнительно короткий исторический срок.

Русская культура имеет неоценимые заслуги перед нашей родиной и всем человечеством. И эти заслуги в значительной мере относятся к классической русской философии XIX века, явившейся непосредственной предшественницей марксизма в России.

Отмечая исторические заслуги великих русских революционеров-мыслителей, Ленин писал:

«Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

В условиях Великой отечественной войны, когда ещё выше поднялось национальное самосознание нашего народа, ещё сильнее проявилась его неугасимая любовь к своей родине, когда ещё более укрепилась его законная гордость своими великими боевыми, патриотическими, революционными и культурными традициями, все советские народы с глубокой благодарностью и любовью обращают свой взор к великому русскому народу и его культуре.

Русский народ, старший брат в семье советских народов, повёл за собой все народы нашей страны, вдохновлённые партией Ленина — Сталина, на беспощадную борьбу с немецкими захватчиками, посягнувшими на честь и независимость нашей социалистической родины. В дни Отечественной войны с невиданной силой раскрылись перед всем миром величие духа и героизм русского народа, его историческая роль в создании и защите могучего и нерушимого Союза Советских Социалистических Республик. Беспрецедентный подвиг советского народа в защите родины вызвал у всех свободлюбивых народов исключительный интерес ко всему тому, что идейно подготовило этот подвиг, и прежде всего интерес к богатейшей культуре русского народа.

¹ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 175.

Великий русский народ внёс свой замечательный вклад во все области культуры, в том числе и в философскую науку. Материалистическая русская философия сыграла весьма важную роль в формировании прогрессивных сил великой русской нации, «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова»¹; она сыграла огромную роль в развитии патриотического сознания народных масс России, в развитии прогрессивной русской культуры, литературы и искусства, в освободительном движении народных масс против царизма и крепостничества, в идейной подготовке марксизма в России. Тем самым передовая русская философия явила всему миру свою жизненную силу и величие.

* *
*

Говоря о величии русской философии, о её классиках — Ломоносове, Радищеве, Герцене, Белинском, Чернышевском, Добролюбове, Плеханове, — мы не можем пройти мимо того факта, что реакционные западноевропейские историки и некоторые русские дворянско-буржуазные «историки» культуры и философии допустили явную фальсификацию истории русской философии, принижая её значение и отрицая её самостоятельность.

Известно, что русская философия, как и вся русская прогрессивная наука, развивалась в условиях государственной и технико-экономической отсталости России. Известно также, что Россию, а тем более Россию прогрессивную и мыслящую, царизм отделил от Запада не только интеллектуальным, но и полицейским барьером, и долгое время труды многих революционных мыслителей России оставались неизвестными на Западе. Известно и то, что царизм не допускал прогрессивных мыслителей к кафедрам университетов и не позволял печатать их труды. Передовые русские мыслители излагали свои философские и социально-политические взгляды чаще всего в литературно-критических и публицистических статьях, а также в научных трудах по вопросам естествознания. В связи с этим реакционными историками русской философии и общественной мысли была пущена в ход

¹ Сталин, О Великой отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1944, стр. 28.

легенда о том, что будто бы в России своей собственной философской мысли не было, а русские учёные и мыслители были лишь механическими подражателями философских систем Западной Европы, переносившими их идеи и взгляды на русскую почву. В некоторых научных кругах Западной Европы господствовало ошибочное мнение, будто в стране, отсталой в технико-экономическом отношении, нет и не может быть передовой культуры и философии. Нередко отрицалось существование русской философии вообще; эта живая версия смыкалась с измышлениями немецких реакционеров, утверждавших, что лишь германский элемент принёс в Россию государственность и культуру, в том числе и философию.

Реакционные немецкие историки пропагандировали насквозь лживую теорию, будто характерными чертами русской психологии являются смирение и покорность, а имманентными свойствами русской души якобы являются мистицизм и расслабленность духа. Эти клеветнические измышления о русском народе и его психологии были подхвачены немецкими фашистами, в частности бароном Розенбергом в его книжонке «Миф XX столетия». В самой России было немало реакционных историков русской философии и общественной мысли (Яковенко, Шпет, Радлов и т. д.), которые изображали дело так, будто выразителями национального самосознания русского народа в области философии были философы-идеалисты, люди, неразрывно связанные с господствовавшей в царской России религиозной и реакционно-крепостнической идеологией. С точки зрения подобных «историков» носителями русской философии были Юркевич, архимандрит Гавриил, Мережковский, Владимир Соловьёв, Лопатин и другие идеалисты.

Реакционные историки русской философии отлучали от русской философии и общественной мысли таких поистине великих русских мыслителей, как Ломоносов, Радищев, Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Плеханов, в трудах которых наиболее ярко и последовательно были выражены самостоятельность, творческий характер и прогрессивное содержание русской философии, поставленной на службу освободительному движению против царизма и крепостничества.

Имело хождение также антинаучное, обывательское мнение, будто русские мыслители — Ломоносов, Менделеев, Сеченов, Тимирязев, с одной стороны, Радищев, Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, с другой, не явля-

ются философами на том основании, что они либо естествоиспытатели, либо литературные критики и публицисты. При этом забывалось, что русские философы обращались к области литературной критики и к теоретическим вопросам естествознания и в силу цензурных условий, не позволявших им открыто излагать свои философские и социально-политические взгляды, и в особенности потому, что в области литературы, публицистики и науки русские мыслители с гораздо большим успехом могли развивать свои идеи преобразования общества и природы, чем в отвлечённых философских трактатах.

Даже в последние десятилетия в ряде книг и статей по философии, истории и литературоведению русские мыслители нередко рассматривались как люди, находившиеся на полном иждивении у Запада и механически переносившие западноевропейские и прежде всего немецкие теории на русскую почву. В этом рабелении перед всем западным, в потугах найти для всякого русского научного открытия, для всякого выдающегося произведения русской литературы, для всякой русской философской системы обязательно какой-либо западноевропейский образчик, в этих попытках поставить русскую литературу и философскую мысль на западноевропейские ходули сказался своеобразный национальный нигилизм, извращающий историческую правду и принижающий духовные, творческие силы нашего народа.

* *
*

Как же в действительности развивалась русская философская мысль?

Русская философская мысль имеет многовековую историю. Она зародилась в XV—XVII веках, в период становления русского многонационального централизованного государства, в период, когда прогрессивные силы русского общества боролись за ликвидацию феодальной раздроблённости России, за развитие отечественных производительных сил и культуры. Источником русской философской мысли в XV—XVII веках была идейно-политическая борьба прогрессивных сил русского общества, стремившихся вывести Россию из состояния отсталости на передовое место в Европе. Такие люди, как Иван Грозный, И. С. Пересветов, И. Т. Посошков, Ф. Прокопович и другие поборники преобразования России, стремились идейно обосновать пути прогрессивного развития России. Источником русской философской мысли было народное твор-

чество, выраженное в самых разнообразных его памятниках и в частности в народном эпосе.

Кроме того, одним из источников, питавших зарождающуюся в ту пору философскую мысль в России, были «ереси», т. е. оппозиционные течения против господствовавшей церковной идеологии, в которых отразилось возмущение народных масс феодально-крепостническим порядком.

Великий учёный М. В. Ломоносов (1711—1765) поставил русскую философскую мысль на научную почву. Он стал родоначальником русской материалистической философии, так же как и родоначальником русского естествознания. От Ломоносова и Радищева идут две ветви русской материалистической философии: одна ветвь — естественно-научный материализм, представленный такими корифеями науки, как Ломоносов, Лобачевский, Менделеев, Столетов, Сеченов, Мечников, Тимирязев, Павлов; другая — освободительная русская философия, тесно связанная с революционным движением против царизма и крепостничества, — Радищев, декабристы, Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Плеханов.

Русскую философскую мысль нельзя рассматривать как некое изолированное от общего развития мировой культуры явление. Передовые русские мыслители теоретически обобщали исторический опыт не только своей страны, но и передовых в то время стран Западной Европы. Они усваивали и критически перерабатывали идейный материал, оставленный им как русскими, так и западноевропейскими предшественниками. Русские мыслители обращались также и к источникам античной мудрости. Ещё в ранний период русской истории вместе с христианством из Византии были восприняты и античные прогрессивные философские идеи. Прогрессивная философская мысль в России была свободна от того мертвящего влияния средневековой схоластики, какое испытывала западноевропейская мысль на протяжении многих столетий, зато она стремилась теоретически обобщить опыт западноевропейского революционного движения XVII—XIX веков и поставить его на службу освободительному движению народных масс. Не подлежит никакому сомнению, что буржуазно-революционное и социалистическое движения в Западной Европе и выросшая на их основе теоретическая мысль оказали серьёзное влияние на формирование революционного движения и теоретической мысли в России.

Русская философская мысль критически осваивала такие достижения философии Запада, как естественно-научный

английский материализм XVII века, французское просвещение и французский материализм XVIII века, диалектика немецкой философии, французский утопический социализм. И это отнюдь не говорит о слабости русской философской мысли или её несамостоятельности. Русские философы не только умели отбирать в произведениях западноевропейских мыслителей самое ценное, что носило общечеловеческий характер и могло быть использовано в интересах народа. Они решали при этом такие вопросы социологии, этики, эстетики, которых не только не решила, но даже не поставила западноевропейская философская мысль до Маркса и Энгельса.

Значение русской философии состоит вовсе не в том, что она изучала произведения западноевропейских мыслителей и критически перерабатывала их взгляды. Подлинное значение и выдающаяся роль русской философии определяются тем, что она отвечала назревшим потребностям русской жизни, разрешала те вопросы, которые были поставлены в порядок дня развитием русского общества и русской науки. Русская философия была самостоятельна в своём развитии и нередко опережала западноевропейскую мысль. По ряду философских проблем—особенно по вопросу о движении и развитии в природе и обществе, об источниках этого развития, о роли народных масс в истории, о средствах преобразования общественной жизни в интересах народных масс, о принципах развития искусства и литературы—передовая русская материалистическая философия приходила к более смелым и прогрессивным научным и политическим выводам, чем современная ей западноевропейская домарксовская философия.

Чернышевский был совершенно прав, когда писал о русской философской и общественной мысли 40-х годов XIX века: «Единство понятий и людей у нас только укреплялось, а не рождено было внешними влияниями. Деятели, стоявшие тогда во главе нашего умственного движения, конечно, ободрались тем, что согласие с ними всех современных мыслителей Европы подтверждало справедливость их понятий; но эти люди уже не зависели ни от каких посторонних авторитетов в своих понятиях... Тот прогресс в понятиях, который сгладил прежнюю разрозненность, совершился у нас самостоятельным образом... С того времени, как представители нашего умственного движения самостоятельно подвергли критике гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чужому авторитету»¹. Ещё в

¹ Чернышевский. Избранные философские сочинения, стр. 471.

большой мере это можно сказать о самом Чернышевском и его соратнике Добролюбове.

Русская философия славится своими солидными материалистическими традициями, которые передавались из поколения в поколение и в значительной мере определяли духовный уклад жизни прогрессивных слоёв русского общества на многие десятилетия. Ленин писал об этой преемственности революционных традиций в России:

«Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Её подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен»¹.

Классики русской философии Герцен и Белинский широко использовали в своей творческой работе достижения передовой мысли, которые были накоплены в Западной Европе. Но они отнюдь не ограничивались этим. Они всесторонне изучали тот идейный материал, который был оставлен Ломоносовым, Радищевым и декабристами, развивали его, двигая общественную мысль вперёд. Чернышевский и Добролюбов критически использовали в своей работе всё положительное, что имелось в фейербаховском материализме и в гегелевской диалектике, но их учение выросло прежде всего из материализма и диалектики Белинского и Герцена, из их революционно-демократических идей. Такой выдающийся представитель русского естественно-научного материализма, как Тимирязев, учился у Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, у русских пропагандистов естественно-научного материализма.

Одна из характерных черт русской прогрессивной философской мысли XVIII и XIX веков та, что она в основе своей была философией воинствующего материализма. В России не было сколько-нибудь серьёзных и оригинальных идеалистических философских систем. Если исключить мировоззрение Чаадаева и Станкевича, которые были прогрессивными деятелями российского освободительного движения, мы не найдём в дореволюционной России таких идеалистических философских систем, которые делали бы честь русскому имени и двигали вперёд развитие мировой культуры. Идеалистические системы в России не выражали национального самосознания нашего народа и не могли сделать эпоху в развитии русской

¹ Ленин; Соч. т. XV, стр. 468.

культуры. Как правило, философы-идеалисты — от Каткова и Юркевича до Мережковского и Лопатина — переносили на русскую почву чуждые русскому народу идеалистические теории Запада и стремились идейно обосновать господство реакции в России. Если же обратиться к материалистическому лагерю, то здесь мы увидим славную плеяду крупных и оригинальных мыслителей, которые действительно выразили национальное самосознание русского народа, отвечали на задачи, поставленные ходом исторического развития, и сделали эпоху в развитии русской культуры и освободительного движения России: достаточно назвать имена Ломоносова и Радищева, Белинского и Чернышевского, Плеханова и Ленина.

Иногда ставится вопрос: в силу чего в России преимущественно развивался материализм? Дело вовсе не в том, что русский народ якобы от природы своей наделён какой-то особой склонностью к материализму. Эта трактовка должна быть отвергнута как ненаучная и противоречащая марксизму-ленинизму. Материалистический характер русской философии объясняется прежде всего тем, что она самым тесным образом была связана с народным творчеством во всех областях жизни. В преодолении суровых сил природы и в преобразовании их в интересах человека, в борьбе с иноземными захватчиками, неоднократно посягавшими на Русь, в борьбе против реакционного и невиданного дикого царизма, помещиков и капиталистов русский народ выработал в себе такие качества, как трудолюбие, сметливость, изобретательность, находчивость, дух новаторства, самоотверженность, героизм, преданность своей отчизне и ненависть к её врагам. Русская философия носила материалистический характер также потому, что передовая философская мысль в России была в отличие от Запада тесным образом связана не с общественной деятельностью буржуазии, которая в России никогда не была революционным классом, а по преимуществу с народно-освободительным движением. И если идеализм как идеология некогда революционной буржуазии мог быть в известной мере прогрессивным течением мысли на Западе в XVII—XVIII веках, то в России он почти всегда был связан с идеализацией и защитой господствовавшего помещичье-капиталистического строя. Материалистический характер русской философской мысли определяется также её теснейшей связью с естествознанием, стоявшим всегда, стихийно или сознательно, на материалистических позициях, с пропагандой его идей. Примером этого могут служить труды Ломоносова

и Лобачевского, Герцена и Писарева, Менделеева и Тимирязева, Сеченова и Павлова.

Прогрессивная философская мысль в России развивалась в тяжчайших условиях; это выражалось прежде всего в том, что философская революция в России 40—60-х годов XIX века не смогла привести к революции политической в силу слабости в тогдашней России революционного движения. Известно, что в таких странах, как Англия, Франция и Германия, политическому перевороту предшествовала философская революция, идейный переворот в сознании общества. Такая идейная революция происходила в Англии в XVII веке, во Франции — в середине XVIII века, в Германии в конце XVIII и начале XIX века. Была ли такая идейная философская революция в России XIX века? Да, впервые она происходила в 40—60-х годах прошлого века и состояла в том, что старые, отжившие идеи самодержавия, православия и «великодержавной народности», а также философские идеи, заимствованные от немецкой философии — гегельянство и шеллингианство, — вытеснялись из сознания мыслящих людей русского общества идеями демократическими и социалистическими, идеями материализма и революционной диалектики.

Однако философская идейная революция в России, происходившая в 40—60-х годах прошлого века, как известно, не привела к политической революции не в силу какой-либо слабости русской философской мысли, а в силу объективных, социально-экономических причин. Тогда в России ещё не было общественной силы, способной возглавить народные массы в борьбе за политический переворот: русская буржуазия не была классом революционным, пролетариат ещё не выступил на историческую арену, а крестьянство само нуждалось в организующей силе, которая могла бы повести его на революционную борьбу.

Тем не менее вдохновители идейной, философской революции в России середины XIX века — Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов — создали свою самостоятельную прогрессивную материалистическую философию. Они вышли за пределы метафизического материализма, который в то время господствовал в Западной Европе, и стали на путь материалистической переработки гегелевской диалектики. Они не только объясняли мир, но и стремились наметить пути его революционного изменения, хотя и не смогли этого сделать, так как их материализм не был историческим и не мог научно определить законы общественной жизни. Они стали на

точку зрения классовой борьбы, хотя и не могли в силу исторической ограниченности окружающих их условий довести её до требования диктатуры пролетариата. Они впервые в истории сочетали идеи социализма и революционной демократии, хотя их социализм продолжал быть утопическим, а не научным социализмом. Они распространили материализм на область эстетики и проложили новые пути в русской литературе, которая затем — в произведениях Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Толстого, Гончарова, Чехова, Горького — невиданно расцвела и оказала неизгладимое влияние на развитие мировой культуры и литературы.

Идейная революция, которую в русском образованном обществе возглавили Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов, не привела в 40—60-х годах XIX века к политической революции. Но это была первая идейная революция в России.

Дальнейшее развитие русской философской мысли и новая философская революция в России проходили уже под знаком торжества марксистского, пролетарского, социалистического мировоззрения. С конца 80-х годов прошлого века Плеханов начал пропагандировать марксистские идеи в России. В 90-х годах революционную борьбу в России возглавили Ленин и Сталин. Они впервые соединили революционное движение в России с научным социализмом, чего не смог сделать Плеханов. Они внесли социалистическое сознание в рабочее движение и основали партию нового типа, которая повела рабочий класс и руководимые им народные массы на борьбу с реакцией и помещичье-капиталистическим строем. Ленин и Сталин произвели глубокую идейную революцию в сознании русских рабочих и в сознании передовой интеллигенции. Руководимые Лениным и Сталиным, марксисты в России вытеснили из сознания прогрессивных сил русского общества старые, отжившие идеи народничества, экономизма, легального марксизма и привели русский пролетариат и те слои русского образованного общества, которые шли вместе с ним, к сознанию необходимости социалистической революции.

С идейной революцией, произведённой в сознании народов России в конце XIX — начале XX века большевистской партией и её вождями Лениным и Сталиным, не может сравниться по своему значению и силе ни одна из тех философских, идейных революций, какие были на Западе.

* *

*

В чём же состоят основные черты классической русской философии XIX века, которую пропагандировали Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов? Какие идеи классиков русской философии оказали такое глубокое революционизирующее влияние на передовые умы русского общества?

Прежде всего следует сказать, что классическая русская философия основана на материалистической теории и на диалектическом методе. Иногда вопрос о характере мировоззрения русских философов решают примитивно и неправильно: мол, русские философы взяли гегелевскую диалектику, присоединили к ней фейербаховский материализм и перенесли всё это на русскую почву. Такая трактовка искажает историческую правду. Мировоззрение русских философов — Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова — складывалось как в борьбе с догматизмом и реакционными сторонами немецкой идеалистической философии, так и в процессе преодоления ограниченности и созерцательности материализма Фейербаха. Мировоззрение классиков русской философии представляет собой совершенно иной тип философии, чем философия Гегеля и Фейербаха.

В редакционной статье журнала «Большевик» «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии» (№ 7—8 за 1944 год) подчёркивается, что немецкая идеалистическая философия конца XVIII и начала XIX века была проникнута глубоким противоречием между догматической системой и диалектическим методом, что сама диалектика в немецкой идеалистической философии является ограниченной диалектикой, обращённой лишь к прошлому, а не к настоящему и будущему. В этой статье указывается на догматизм немецкой идеалистической философии, полагавшей, что достигнутая в Германии в то время ступень общественного развития и теоретической мысли есть вершина, венец творения, конечный результат прогресса, дальше которого история не пойдёт.

В статье отмечалось, что немецкая идеалистическая философия пронизана реакционными идеями кичливого прусского национализма, пренебрежением к славянским народам, восхвалением захватнических войн, преклонением перед прусской монархией и т. д.

Обращаясь к русской философии XIX века, необходимо заметить, что ещё Белинский и Герцен, а впоследствии Черны-

шевский и Добролюбов поняли ограниченность немецкой идеалистической философии, установили, что гегелевская диалектика вовсе не является всеобъемлющим научным методом познания мира, подвергли критике реакционные идеи немецкой идеалистической философии и начали создавать свою прогрессивную философскую систему и свой метод, более последовательный и революционный, чем система и метод немецкой классической философии.

Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов были первыми мыслителями, понявшими ограниченность и несовершенство немецкой буржуазной философии; именно они впервые подвергли эту философию критике, подчёркивая её догматизм, абстрактность, оторванность от жизни; именно они впервые в России решили поставить философию на службу народным массам, поднимающимся на революционную борьбу.

Уже поэтому нельзя поставить знак равенства между русской философией и философией Гегеля и Фейербаха. Об этом говорят сами русские мыслители.

Так, Николай Гаврилович Чернышевский писал:

«Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы — узки и ничтожны... И не только выводов из своих принципов не мог он сделать, — самые принципы представлялись ему ещё не во всей своей ясности, были для него туманны... Развитие последовательных воззрений из двусмысленных и лишённых всякого применения намёков Гегеля совершилось у нас отчасти влиянием немецких мыслителей, явившихся после Гегеля (имеется в виду Фейербах.—*М. И.*), отчасти — мы с гордостью можем сказать это — собственными силами. Тут... русский ум показал свою способность быть участником в развитии общечеловеческой науки»¹.

Наши русские мыслители пришли к выводу, что философия немецких идеалистов принадлежит прошлому, что необходимо создание новой логики, новой науки о мышлении, которая была бы основана на познании законов материального мира, отражала бы процессы, происходящие в реальной действительности; в природе и в обществе. В связи с этим Белинский писал:

«Философия Гегеля обняла собою все вопросы всеобщей жизни», но «её ответы на них иногда обнаруживаются при-

¹ *Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 451 — 452.*

надлежащими уже прошедшему, вполне пережитому периоду человечества»¹.

И дальше:

«В лице Гегеля философия достигла высшего своего развития, но вместе с ним же она и кончилась, как знание таинственное и чуждое жизни: возмужавшая и окрепшая, отныне философия возвращается в жизнь...»²

Чернышевский полагал, что гегелевская философия является несостоятельной в новое время, ибо «Гегель был непоследователен, противоречил сам себе на каждом шагу... принимая его принципы, последовательному мыслителю надобно притти к выводам, совершенно различным от выставленных им выводов»³. Да и сами принципы логики, принципы философии классики русской философии представляли совершенно иначе, чем немецкие идеалисты.

Если Гегель полагал, что творцом всего существующего является абсолютная идея, порождающая из себя природу и общество, а диалектические понятия рассматривал как определения различных сторон этой абсолютной идеи, то классики русской философии держались совершенно иной точки зрения. Они утверждали, что диалектика представляет собой аналог действительности, отражает закономерности самой природы и общества. Так, например, Герцен писал:

«Логическое развитие идеи идёт теми же фазами, как развитие природы и истории; оно, как аберрация звёзд на небе, повторяет движение земной планеты»⁴.

Это показывает, что немецкие философы-идеалисты и классики русской философии исходили из совершенно противоположных посылок при определении предмета логики. Белинский правильно говорил, что предмет логики — это цветок, корень которого в земле; тем самым он подчёркивал, что происхождение человеческой мысли — материальное, земное, а не навешанное какой-то высшей таинственной силой. Герцен писал: «Гегель всей логикой достигает до раскрытия, что безусловное есть подтверждение единства бытия и мышления. Но как дойдёшь до дела, тот же Гегель, как и Лейбниц, приносит всё временное, всё сущее в жертву мысли и духу; идеализм, в котором он был воспитан, который он всосал с мо-

¹ Белинский, Соч., т. XII, Госиздат, 1926, стр. 398.

² Там же.

³ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 449.

⁴ Герцен, Избранные философские сочинения, стр. 93.

локом, срывает его в односторонность, казнённую им самим, и он старается подавить духом, логикой природу; всякое частное произведение её готов считать призраком, на всякое явление смотрит свысока.

...Гегель хотел природу и историю, как *прикладную логику*, а не логику, как отвлечённую разумность природы и истории»¹.

В этом состоит глубокое принципиальное отличие диалектики русской философии от диалектики Гегеля.

Немецкие идеалисты-диалектики считали одним из основных законов развития абсолютной идеи закон противоречия и вместе с тем полагали, что эти противоречия могут быть смягчены и примирены. Гегель страдал, выражаясь его же собственными словами, «нежным щажением действительности». Это выражалось в том, что он пытался смягчить и примирить антагонистические противоположности, присущие современному ему обществу. Гегель утверждал, что вершиной социально-политического развития является прусская конституционная монархия, примиряющая интересы феодалов и буржуазии, полагая, что дальнейшее развитие и борьба противоречий в обществе были бы незакономерными и ненужными.

Герцен, критикуя гегелевское оправдание прусской монархии, подчёркивал, что это приводило к ограничению диалектики.

«Гегель, — писал Герцен, — часто, выведя начало, боится признаться во всех следствиях его и ищет не простого, естественного, само собой вытекающего результата, но ещё, чтоб он был в ладу с существующим; развитие делается сложнее, ясность затемняется»².

Классики русской философии с негодованием отвергали гегелевскую мысль о том, что развитие общества может остановиться на каком-то, раз достигнутом уровне вроде прусской конституционной монархии. Белинский говорил, что его бросает в дрожь при мысли, что развитие может остановиться на какой-либо дрянной односторонности. Он писал:

«Гегель мечтал о конституционной монархии, как идеале государства — какое узенькое понятие!»³ В другом месте он говорил: «Германия — ...государство позорное и г... В Германии много гофратов, филистёров, колбасников и других гадов»⁴.

¹ Герцен, Избранные философские сочинения, стр. 86.

² Там же, стр. 44.

³ Белинский, Избранные философские сочинения, стр. 169.

⁴ Там же, стр. 119.

Герцен полагал, что гегелевская философия видимо «с намерением дурно формулирована», ибо она «двулична» и носит «прусско-протестантскую кокарду».

Белинский не раз говорил, что «без отрицания жизнь превратилась бы в стоячее и вонючее болото», подчёркивая этим, что отрицание старого, отжившего свой век является одним из ведущих моментов в жизни, в природе и обществе.

Ярко и глубоко обосновывая закон отрицания, при котором посредством борьбы противоречий отвергаются все старые, отжившие формы, Чернышевский писал:

«Вечная смена форм, вечное отвержение формы, порождённой известным содержанием или стремлением, вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания, — кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучился применять его ко всякому явлению, — о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие?.. Он не жалеет ни о чём, отживающем своё время, и говорит: «пусть будет, что будет, а будет в конце концов всё-таки на нашей улице праздник»»¹.

Диалектику классики русской философии понимали как «алгебру революции», на что указывал Ленин в своей статье «Памяти Герцена». Совершенно прав был Чернышевский, когда в подготовительных работах к роману «Алферьев» писал: «Всюду мы видим раздвоение силы, устремляющейся по противоположным направлениям, и из сочетания этих направлений возникает энергия явлений... без поляризации не было бы жизни»². И в этом отношении классики русской философии исходили из совершенно противоположных посылок, чем немецкая идеалистическая философия, ограничивавшая свой диалектический метод путём сглаживания и смягчения противоречий в современном ей буржуазно-помещичьем обществе.

Немецкая идеалистическая философия считала, что развитию природы, общества и человеческой мысли должен быть положен конец. Немецкие философы-идеалисты полагали, что развитие останавливается тогда, когда абсолютная идея заканчивает проявление всех своих сторон и возвращается к самой себе. С точки зрения Гегеля развитие заканчивается тогда, когда общество достигает прусской сословно-предста-

¹ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 197.

² Чернышевский, Неопубликованные произведения, Саратов 1939, стр. 60.

вительной монархии, лютеранской религии и его, Гегеля, философии. Как только общество достигло этой ступени своего развития, ему будто бы не остаётся больше ничего делать. Прусская монархия, лютеранская религия и философия абсолютного идеализма — это с точки зрения Гегеля венец творения, и на этом развитие может быть закончено.

Совершенно иной точки зрения держались классики русской философии. Они полагали, что развитие природы, общества и человеческой мысли не остановится в каком-либо пункте, а будет безграничным, беспредельным.

«Нет предела развитию человечества, — говорил Белинский, — и никогда человечество не скажет себе: *стой, довольно, больше идти не-куда!*». В другом месте он писал: «Отнюдь не следует, чтоб человечество стояло на одном месте, или чтоб оно стремилось от одной лжи к другой: нет лжи для человечества, но есть только старая истина, которая, разрушаясь, рождает из себя новую, высшую истину, подобно фениксу, в новой красе возрождающемуся, по восточному преданию, из собственного пепла... Человечество движется не прямою линиею и не зигзагами, а спиральным кругом, так что высшая точка пережитой им истины в то же время есть уже и точка поворота его от этой истины»².

Классики русской философии не считали, что может существовать какой-либо общественный порядок, общественное учреждение или общественная теория, которые оставались бы на достигнутом однажды уровне и дальше которых человечество не пошло бы вперёд. Они правильно полагали, что для крепостнической России капитализм будет более прогрессивным общественным порядком, но капиталистический строй, сменивший крепостничество, отнюдь не станет вечным, и он не ответит на все вопросы, которые ставит человечество, не даст «разгадки человеческой загадки», не обеспечит счастья народу.

Герцен в 1869 году писал:

«Ясно видим мы, что дальше дела не могут идти так, как шли, что, наконец, исключительному царству капитала и безусловному праву собственности так же пришёл конец, как некогда пришёл конец царству феодальному и аристократическому... Как тогда упрямство и вырождение дворянства

¹ Белинский, Соч., т. XII, стр. 460.

² Там же, стр. 336.

помогло собственной гибели, так и теперь упрямая и выродившаяся буржуазия тянет сама себя в могилу»¹.

Считая капиталистический строй и буржуазно-демократический политический порядок прогрессивными в сравнении с феодализмом, но в то же время исторически переходящими и ограниченными, классики русской философии XIX века проявили необычайно глубокую философскую и социологическую проницательность, поскольку в России 40—60-х годов XIX века капитализм находился лишь в зачаточном состоянии.

Но если диалектика классиков русской философии резко отличалась от диалектики немецкой философии и развивалась на материалистических началах, освобождаясь от ограниченности и непоследовательности, присущей немецким философам, если эта диалектика требовала творческого преобразования мира, то можем ли мы сказать, что она является подлинно научной и последовательной диалектикой?

Нет, последовательной и до конца научной диалектикой она ещё не была. Подлинно научную, последовательную диалектику — философскую науку об общих законах развития природы, общества и человеческой мысли — создали только Маркс и Энгельс. Именно они подвергли сокрушительной критике догматическую систему немецкого идеализма и созерцательный характер материализма Фейербаха и научно определили пути преобразования общества. Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов шли к этому, но не смогли до конца завершить начатое дело.

Самое главное препятствие к этому заключалось в том, что Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов жили в России крепостнической, в стране отсталой в технико-экономическом отношении, где не было ещё рабочего класса и прочных связей с западноевропейским революционным движением. Поэтому классики русской философии, пропагандируя революционную борьбу народных масс, классовую борьбу трудящихся, установление революционной демократической диктатуры, не могли довести идею классовой борьбы до требования установления диктатуры пролетариата. Совершенно ясно поэтому, что они не могли создать подлинную науку о законах развития общества. Эту задачу выполнили только Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Но «исторические заслуги, — говорит Ленин, — судятся не по тому, чего не дали историче-

¹ Герцен, Избранные философские сочинения, стр. 352.

ские деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали *нового* сравнительно с своими предшественниками»¹.

Величие классиков русской философии состоит в том, что их общественные взгляды, несмотря на отсталость экономического и политического строя России XIX века, были прогрессивными, их теории отражали интересы передовых слоёв русского общества и способствовали их борьбе за преобразование общества.

Товарищ Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме» указывает, что долгое время в науке господствовал метафизический взгляд на мир, согласно которому всё в мире существует по раз и навсегда данным и неизменным законам и не содержит в себе каких-либо внутренних противоречий. Такая метафизическая точка зрения процветала в домарксовском материализме, включая материализм Людвиг Фейербаха.

Русские философы-революционеры Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов в отличие от всей домарксовской философии в Западной Европе вовсе не стояли на позициях метафизического материализма, а пришли к выводу о необходимости сочетать материализм с диалектической идеей развития. Они полагали, что развитие в природе и обществе происходит помимо сознания и воли людей, путём борьбы противоречий, посредством скачкообразных изменений. «Обыкновенно, приступая к природе, — писал Герцен, — её свинчивают в её материальности... но природу остановить нельзя: она — процесс, она — течение, перелив, движение»².

Классики русской философии утверждали, что всё то, что достигну человечеством, не является абсолютной истиной, что достигнутый наукой уровень знаний будет расширен, раздвинут в ходе развития науки.

Так, Герцен говорил о науке:

«Она всякий раз считает себя завершением ведения человеческого, но она представляет отчёт, вывод мышления данной эпохи, она себя только считает абсолютной, а абсолютно то движение, которое в то же время увлекает историческое сознание далее и далее»³.

Человеческое познание, говорил Герцен, всё время идёт вперёд. Оно отказывается признавать определённое за безу-

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 51.

² Герцен, Избранные философские сочинения, стр. 92.

³ Там же, стр. 93.

словное, временное за вечное, относительное за абсолютное, оно видит в истине былого и сущего истину относительную, не имеющую права на вечное существование, а свидетельствующую о своей ограниченности именно своею преходимостью.

Чернышевский в одном из писем к сыновьям, критикуя те идеалистические воззрения в естествознании и философии, которые были занесены в Россию с Запада, главным образом из Германии, в конце XVIII века, выдвигал идею разграничения философского и естественно-научного понятия материи. Он понимал, что естественно-научные понятия о материи могут и должны изменяться в ходе развития науки, а философское понятие материи как объективной реальности, существующей вне нашего сознания, остаётся неизменным.

Эти мысли классиков русской философии показывают, что они вовсе не стояли на позициях метафизического материализма и каждый достигнутый человечеством уровень научного познания считали лишь временным и относительным. В этом отношении они близко подходили к теории познания диалектического материализма.

Если все материалисты до Маркса, не исключая Фейербаха, были созерцательными материалистами, т. е. так или иначе объясняли мир, но не показывали, как его изменить, то материализм классиков русской философии носил действительный характер. Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов стремились указать русскому обществу пути выхода из того состояния, в котором оно находилось. Они призывали к уничтожению крепостничества, боролись за ликвидацию технико-экономической и государственной отсталости России, требовали развития в России отечественных производительных сил и культуры, превращения России в передовую во всех отношениях державу мира. Они внушали русскому образованному обществу, что народные массы должны взять в свои руки власть, что продукты труда должны принадлежать тем, кто их произвёл, что строй, основанный на эксплуатации, должен быть уничтожен и заменён новым, справедливым общественным порядком. Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов были не только великими мыслителями, но и великими революционерами.

Если Фейербах в силу религиозно-этических наслоений в его мировоззрении скатывался к проповеди новой религии всеобщей любви, то у классиков русской философии мы, наоборот, находим проповедь классовой борьбы, не только

критику религии вообще, но и глубокие мысли о том, что религия в эксплуататорском обществе стоит на службе эксплуататоров. Материализм русских классиков философии свободен от религиозно-этических наслений.

Классики русской философии в отличие от немецких идеалистов стремились применить диалектику к общественной жизни. Немецкие философы-идеалисты даже не пытались этого сделать, ибо по своим социально-политическим убеждениям они были консерваторами, реакционерами, выступали против какого-либо изменения старых порядков и считали идеальными прусскую монархию и достигнутый в ней компромисс между феодалами и немецкой буржуазией. Далеко не случайна абстрактность и туманность немецкого идеализма. «Германский ум, — говорил Герцен, — всегда готов свихнуться в область туманных фантазий и тратить талант и гений на пустую работу, лишь бы вне практических сфер, лишь бы вне тех сфер, в которые человек призван»¹.

Что касается классиков русской философии, то они теоретически обосновывали необходимость революционного преобразования общества и доказывали, что возможен новый, социалистический и демократический порядок, отвечающий интересам народных масс. Классики русской философии, стремясь применить диалектику к общественной жизни, показывали передовым слоям русского общества, что не только крепостничество, но и капитализм, который в России только что зарождался, является переходящим строем, что не только конституционная монархия, но и буржуазная республика, несмотря на всю свою прогрессивность по сравнению с крепостническим строем, не является идеалом народных масс. Они понимали, что классовая борьба становится движущей силой истории, и призывали к решительной борьбе против сил реакции, сковывавших развитие России.

Впервые в истории философской мысли домарковского периода Белинский, Чернышевский и Добролюбов применили материализм к области эстетики и проложили новые пути в искусстве и литературе, доказав, что литература и искусство есть воспроизведение жизни общества, что они выносят своё суждение, свой приговор о явлениях общественной жизни в целях её изменения, что они призваны воспитывать общество в духе ненависти ко всем старым, отжившим формам жизни, поднимать общество на борьбу за свободу и счастье народа.

¹ Герцен, Соч., т. III, стр. 133, П. 1919.

Применяя диалектику к общественной жизни, русские философы показывали передовым слоям русского общества выход из той затхлой, мертвящей атмосферы, которая царила в России в 40—50-х годах прошлого века.

Но, будучи убеждёнными материалистами и диалектиками, классики русской философии XIX века всё же не преодолели до конца идеализм в понимании общественных явлений.

«Герцен, — писал Ленин, — вплотную подошёл к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»¹.

Отрешившись от старого, метафизического взгляда на общество, она не смогли выяснить и научно доказать, что основа всех общественных отношений состоит в материальных, производственных отношениях, в исторически определённых и сменяющих друг друга способах материального производства.

Классики русской философии создали материалистическую систему, принципиально отличавшуюся от системы метафизического материализма. Они близко подошли к построению диалектического материализма, но этой задачи не могли решить, потому что в России того времени уровень общественного развития был ещё низким и не было ещё такой революционной общественной силы, как пролетариат.

Кроме того, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что классикам русской философии не удалось научно, философски обобщить открытий естествознания первой половины XIX века — закона сохранения и превращения энергии, открытия клетки, эволюционного учения Дарвина. Эту задачу выполнили только творцы научной, материалистической диалектики — Маркс и Энгельс.

* *
*

В области социологии и политики классики русской философии были не менее самостоятельными и оригинальными мыслителями, чем в области логики и теории познания.

Совершенно справедливо Плеханов называл Белинского и Чернышевского гениальными социологами. Это были люди, сумевшие в условиях крепостнической России проникнуть в суть капиталистических отношений и понять, что капитализм такой же обречённый строй, как и крепостной. В то время, когда в России не было ещё массового революцион-

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 464 — 465.

ного движения, они сумели проникнуться глубокой верой в силу и историческое призвание народных масс и понять, что не какие-либо выдающиеся личности, а сами трудящиеся массы являются подлинными творцами, двигателями истории. В то время, когда в России ещё не было материальных предпосылок для социальной революции, они сумели заглянуть в будущее и предсказать, что эта революция неизбежна, что она принесёт установление новых общественных порядков, свободных от эксплуатации и угнетения человека человеком. Социально-политические, как и философские взгляды классиков русской философии вырабатывались в борьбе против реакционных идей немецких философов-идеалистов и их русских последователей.

Так, Чернышевский ещё в своём «Дневнике» записал о социальных теориях немецких философов, в частности Гегеля: «Особенного ничего не вижу... мне кажется, он раб настоящего положения вещей, настоящего устройства общества, так что даже не решается отвергать смертные казни и проч.; так или выводы его робки, или в самом деле вообще начало как-то плохо объясняет нам, что и как должно быть вместо того, что теперь есть — ведь Фихте пришёл же к обоготворению настоящего порядка вещей»¹. Герцен утверждал, что немецкий «дуализм нам, русским, антипатичен. Социализм нам казался самым естественным силлогизмом философии, применением логики к государству»².

Чернышевский, обосновывая свои революционно-демократические взгляды на историю, резко критиковал «расовые теории», пытавшиеся объяснить господство одной расы над другой физиологическими и анатомическими различиями, например, разницей в цвете кожи и т. д.

«Все расы; — говорил Чернышевский, — произошли от одних предков. Все особенности, которыми отличаются они одна от другой, имеют историческое происхождение»³.

Классикам русской философии Белинскому, Герцену, Чернышевскому и Добролюбову пришлось иметь дело не только с идейным врагом за рубежом в лице немецкой идеалистической философии, которая восхваляла немецкую реакцию, принижала и оплёвывала всё русское, всё славянское и всё революционное; Белинскому, Герцену, Чернышевскому и

¹ Чернышевский, Литературное наследие, т. I, Госиздат 1928 г., стр. 380.

² Герцен, Соч., т. VI, стр. 398.

³ Чернышевский, Избранные философские сочинения, стр. 222.

Добролюбову пришлось иметь также дело с идейным врагом на русской почве — с русскими последователями немецкой идеалистической философии, с мистическими и реакционно-националистическими направлениями в общественной мысли России. В 30—60-х годах прошлого века в России широко распространились гегельянские и шеллингианские идеи, перепеваемые на русский лад. Если немецкие философы-идеалисты утверждали, что немцы являются «богом избранным народом», то русские гегельянцы и шеллингианцы утверждали, что таким избранным народом, призванным богом осуществить высшую спасительную миссию, является русский народ. Если немецкие философы-идеалисты восхваляли прусскую монархию и те войны, которые она ведёт, то их русские ученики восхваляли царскую монархию и объявляли её зачатнические войны священными.

В 40-х годах Белинскому и Герцену, а позднее Чернышевскому и Добролюбову, пришлось бороться не только против реакционных теорий немецких идеалистов, но и против русских шеллингианцев и гегельянцев — И. И. Давыдова, Каткова, Шевырёва, Погодина, Жеребцова, — а также против мистиков-славянофилов, следовавших за Шеллингом и Гегелем. Опровергая мистические теории немецких и русских идеалистов об «избранном народе», Герцен писал: «Мы не верим ни призванию народов, ни их предопределению; мы думаем, что судьбы народов и государств могут по дороге меняться, как судьба всякого человека»¹.

Классики русской философии XIX века выступили как против буржуазного космополитизма, принижавшего Россию и стремившегося превратить её в колонию Запада, так и против националистической славянофильской ограниченности.

Они считали, что Россия не должна и не может превратиться в колонию чужеземных государств. Вместе с тем она не может и встать на путь прогресса без уничтожения старых самодержавно-крепостнических порядков, без критического усвоения западноевропейской цивилизации. Классики русской философии учили, что русский народ способен и должен создать новую, высокую материальную и духовную цивилизацию. «Нам, русским, — говорил Белинский, — нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племён только мы сложились в крепкое и могучее государство, и как до Петра Великого, так и после

¹ Герцен, Соч., т. X, стр. 246.

него... выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели, и всегда успевали спастись от неё и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы»¹.

В противовес реакционной линии немецких философов-идеалистов и их русских учеников, классики русской философии выдвинули свою революционно-демократическую систему взглядов. Они доказывали передовым слоям русского общества, что движущими силами общественного развития являются не отдельные личности, не монархи и идеологи, а прежде всего народные массы. Герцен, Белинский, Добролюбов и Чернышевский призывали русское образованное общество поднять в народе чувство собственного достоинства, показать народным массам, что нельзя мириться с самодержавием и крепостническими порядками, и тем самым повести народные массы на революционное созидание новой жизни. Только в этом случае выдающиеся личности смогут играть положительную роль в истории.

Правильно писал Добролюбов:

«Не хотят понять, что ведь историческая личность, даже и великая, составляет не более как искру, которая может взорвать порох, но не воспламенит камней, и сама тотчас потухнет, если не встретит материала, скоро загорающегося. Не хотят понять, что этот материал всегда подготавливается обстоятельствами исторического развития народа, и что, вследствие исторических-то обстоятельств, и являются личности, выражающие в себе потребности общества и времени»².

Идея о народных массах как движущей силе истории, выдвинутая русскими революционными демократами, была извращена и заброшена народниками. Плеханов и другие русские марксисты, ратуя в 80—90-х годах за эту идею русских революционных демократов, громили народников, доказывали, что народники отступились от заветов русской революционной демократии, которая возлагала все свои надежды на революционное движение самих народных масс, не рассчитывая на отдельные заговоры, а тем более на террористические акты.

Герцен и Белинский, Чернышевский и Добролюбов, верившие в силы русского народа, в его великую историческую миссию, вместе с тем доказали, что собственные, национальные

¹ Белинский, Избранные философские сочинения, стр. 348.

² Добролюбов, Соч., т. III, стр. 335.

интересы русского народа отнюдь не противоречат интересам всего человечества, ибо служение своей родине и благу народа есть лучшая форма служения человечеству.

Перед Россией того времени стояла проблема: пойти по пути развития Западной Европы или идти своим, «самобытным», изолированным путём. Русская революционная демократия дала свою, единственно правильную трактовку этого вопроса. Она доказала, что Россия, двигаясь вперёд, должна ликвидировать свою экономическую, политическую и культурную отсталость, критически, а не догматически заимствовать достижения западноевропейской цивилизации, не прибегать к ней «на манер Индии», а создать общественный строй, более передовой и более отвечающий интересам народных масс, чем западноевропейская цивилизация, то есть создать строй, основанный на демократической власти трудящихся. Классики русской философии понимали, что придёт время, когда Россия станет самой передовой державой мира, и что сделает она это путём ликвидации старых порядков и критического усвоения всего лучшего, что создано цивилизацией Западной Европы. Белинский писал: «Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру своё слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль, — об этом пока ещё рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряжённого разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими»¹.

Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов всегда подчёркивали роль и значение России в спасении Европы и европейской цивилизации от варваров-завоевателей и предсказывали, что русский народ сыграет ещё великую роль в развитии общечеловеческой науки, культуры и техники. Чернышевский писал в 1846 г.:

«...нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшеюся всем выстрелам, стеною, которую вполнину было разбили враги, и другого ига — французов и Наполеона.

...Пусть и Россия внесёт то, что должна внести в жизнь духовную мира, как внесла и вносит в жизнь политическую, выступит мощно, самобытно и спасительно для человечества

¹ Белинский. Соч., т. III, Спб. 1911, стр. 757.

и на другом великом поприще жизни — науке... И да совершится чрез нас, хоть частью это великое событие!.. Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого?»¹

Выступая против немецко-гегельянской клеветы на русский народ и другие славянские народы, классики русской философии показывали, что русский народ имел великую историю в прошлом и будет иметь ещё более великую историю в будущем.

«Русская история, — говорил Белинский, — есть неистощимый источник для романиста и драматика; многие думают напротив, но и это потому, что они не понимают русской жизни и меряют её немецким аршином»².

Классики русской философии, резко критикуя царское самодержавие как антинародную власть и осуждая колониальную политику царского правительства, вместе с тем высказывались за укрепление и расширение русского многонационального и централизованного государства.

Герцен в письме к Джузеппе Маццини писал:

«Расширение России... носило поразительный характер, и только в настоящее время оно начинает приостанавливаться, дойдя до своей естественной границы, до Тихого океана. Россия... имеет ядро; это — не эмигрирующая колония, а народ, который прочно укрепился на своей территории и распространяется во все стороны, не отрываясь от своего центра»³.

Хотя Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов оставались в общем социалистами-утопистами в своих общественных взглядах, однако их утопический социализм сильно отличается от утопического социализма Запада. Социализм классиков русской философии сочетается с революционным демократизмом, с проповедью классовой борьбы угнетённых.

Классики русской философии, стоявшие на точке зрения классовой борьбы, впервые в истории человеческой мысли доказали в отличие от западноевропейских социалистов-утопистов Оуэна и Фурье, что только революционной борьбой и установлением демократической власти можно достигнуть социализма, то-есть такого справедливого общественного

¹ Чернышевский, Литературное наследие, т. II, Госиздат, 1928, стр. 44.

² Белинский, Соч., т. I, 1919, стр. 480.

³ Герцен. Письмо к Д. Маццини, Соч., т. VIII, стр. 410.

порядка, при котором не будет эксплуатации и угнетения. В отличие от западноевропейских буржуазных демократов типа Марата и Робеспьера они утверждали, что настоящий революционер не может ограничиться простым провозглашением равенства, братства и свободы. Необходимо равенство также в имущественном отношении, равенство, исключающее всякую возможность присвоения чужого труда. Классики русской философии глубоко верили в наступление социалистического порядка. Чернышевский писал:

«Мы принимаем за арифметическую истину, что со временем человек вполне подчинит себе внешнюю природу, насколько будет ему нужно, переделает всё на земле, сообразно со своими потребностями, отвратит или обуздает все невыгодные для себя проявления сил внешней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всеми теми силами её, которые могут служить ему в пользу. Этот один путь уже мог бы привести со временем к уничтожению несоразмерности между человеческими потребностями и средствами их удовлетворения... Труд из тяжёлой необходимости обратится в лёгкое и приятное удовлетворение физиологической потребности, как ныне возвышается до такой степени умственная работа в людях просвещённых»¹.

В силу экономической и политической отсталости России и отсутствия в ней революционного пролетариата классики русской философии не могли дойти до научного социализма, который предполагает диктатуру пролетариата. Однако это отнюдь не снижает ценности идей классиков русской философии, которые в 40—60-х годах прошлого века, в мрачную пору николаевской реакции, в условиях крепостнического гнёта, когда капитализм в России только что начинал развиваться, проповедывали передовым слоям русского общества необходимость революционного переворота, установления демократической власти и перехода к новым, социалистическим порядкам.

Классики русской философии создали оригинальную, самостоятельную философскую систему и метод, которые во многом превосходят всё то, что было создано домарксовской философией. Именно русская классическая философия XIX века, представленная Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым, является вершиной философской мысли в

¹ Чернышевский, Соч., т. IV, стр. 449.

домарксовский период. Об этом Энгельс писал Паприц в 1884 г.:

«Мне кажется, что Вы несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»¹.

* *
*

Классическая русская философия имеет не только чисто русское, но и всемирно-историческое значение.

Она вдохновляла освободительное движение в России, расшатывала тем самым устои царской монархии, которая в период после наполеоновских войн и до середины 50-х годов прошлого века, до поражения в Крымской войне, была жандармом Европы, самым лютым врагом революционных и национально-освободительных движений. Борьба, которую вели против русского самодержавия классики русской философии Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов, то общественное движение, на которое они опирались в России, подтачивали силы русского царизма в Европе.

Благодаря русскому революционному движению царская Россия в последнюю треть XIX века перестала играть роль жандарма в Европе, и эта роль от неё перешла к реакционным буржуазным правительствам европейских стран.

Классики русской философии, пропагандируя передовые гуманистические идеи, клеймя угнетение и произвол, пробуждая в обществе ненависть к реакции, рутине и косности, вдохновляли своими прогрессивными идеями русскую классическую литературу.

Творчество Достоевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Максима Горького и многих других русских писателей вдохновлялось теми идеями, которые выдвинули и раз-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 389.

вили Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов. А через русскую литературу эти идеи проникали и на Запад. Не случайно многие западноевропейские мыслители и писатели-гуманисты признают, что именно русская литература научила их гуманно мыслить и служить человечеству.

Под влиянием русской материалистической философии развилось в России материалистическое естествознание. Имеющие всемирно-историческое значение научные открытия Менделеева, Сеченова, Тимирязева, Павлова и ряда других учёных, которые начали свой жизненный путь в середине XIX века, свидетельствуют, что мировоззрение этих классических представителей русского естественно-научного материализма сложилось под непосредственным влиянием русской классической философии. И то, что наша страна может гордиться открытиями Менделеева и Сеченова, трудами Тимирязева и Павлова, это не в малой мере заслуга классиков русской философии, идеи которых направляли наших материалистов-естествоиспытателей по верному научному пути.

Классики русской философии всё время ратовали против попыток чужеземцев и прежде всего немцев прибрать к своим рукам государственный и научный аппарат царской России, выступали против их стремления превратить Россию в колонию какой-либо европейской державы. Они всеми доступными им средствами пропагандировали в русском обществе необходимость развития отечественных производительных сил и культуры, бичевали отсталость царской России и плачевали против царизма прогрессивные силы русского общества. Организуя отпор царизму со стороны прогрессивных сил русского общества, русские революционные мыслители мешали царизму окончательно превратить Россию в колонию западноевропейских держав. А нет необходимости доказывать, каким величайшим бедствием не только для нашего народа, но и для всего человечества было бы превращение России в колонию какой-либо западноевропейской державы.

Классики русской философии своими прогрессивными идеями оказали глубочайшее влияние на революционеров многих стран, в особенности стран славянских. В предисловии к произведению Чернышевского «Что делать?» Георгий Михайлович Димитров писал о том, что поколения молодых революционеров в балканских странах «воспитывались на примере героев «Что делать?» — Рахметова, Кирсанова, Лопухова и Веры Павловны — и очень часто буквально старались подражать личной твёрдости, выдержке, преданности делу револю-

щны и непримиримости к врагам — качествам, которые характеризуют героев Чернышевского»¹.

Но самая главная заслуга русской классической философии, заслуга, имеющая всемирно-историческое значение, состоит в том, что она явилась одной из предпосылок распространения и развития марксистской философии в России. Ленинизм в России возник на базе учения Маркса и Энгельса. Работа Плеханова и его группы «Освобождение труда» по переводам и распространению произведений Маркса и Энгельса на русский язык серьёзно способствовала распространению марксизма в России. Задача дальнейшего распространения и творческого развития марксизма выпала на долю Ленина и Сталина. Марксизм в России мог победить в революционном движении в короткий срок потому, что классики русской философии произвели большую подготовительную идейную работу, расчистив почву для восприятия идей марксизма, ибо они в течение ряда десятилетий пропагандировали в русском обществе идеи материализма и диалектики, социализма и революционной демократии. Посредствующим звеном между русской классической философией XIX века и творческим марксизмом в России была деятельность Георгия Валентиновича Плеханова, который воспитывался на материалистических традициях Белинского и Чернышевского, воспринял из рук Чернышевского знамя революционной демократии и в 80-х годах прошлого века стал первым пропагандистом марксизма в России.

В Германии и в других странах Западной Европы после смерти Маркса и Энгельса не оказалось мыслителя, который был бы способен не только развить марксизм, но и удержаться на уровне цельного и революционного марксизма. В конце XIX века центр революционного движения и теоретической мысли переместился с Запада в Россию. Именно Россия стала родиной ленинизма, являющегося продолжением и развитием марксизма. Гениальные деятели и вожди русского революционного движения Ленин и Сталин стали вождями марксистской партии нового типа и величайшими теоретиками марксизма, творчески разработавшими учение Маркса и Энгельса в новых условиях — в эпоху империализма и пролетарских революций. И это вполне закономерное явление.

В 1902 году в своей замечательной работе «Что делать?» Ленин писал:

¹ Чернышевский, Что делать? «Молодая гвардия», 1935, стр. I.

«Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература»¹.

Русская классическая философия и выросшая на её идеях русская литература помогли революционным, прогрессивным силам русского общества воспитать несколько поколений преданных нашей родине людей, которые в огне революций, в битвах гражданской войны, в сражениях Отечественной войны показали всему человечеству, на что способен наш героический народ.

И сейчас, в условиях, когда в нашей стране впервые в истории построен социализм, когда наша Отчизна показала всему миру образцы победоносной борьбы против лютых врагов человечества немецких поработителей, мы, советские люди, ещё более гордимся великим культурным наследством классиков русской философии, которое в значительной мере способствовало восприятию идей Маркса в России, зарождению ленинизма и помогло большевикам воспитать советский народ в духе беззаветной преданности социалистическому Отечеству. Мы гордимся этим великим культурным наследством и знаем, что как в ходе войны, так и после неё культура нашего великого народа и одна из её ценнейших жемчужин — русская классическая философия XIX века — будут привлекать к себе всё большее внимание и интерес всего цивилизованного мира. С ещё большим основанием мы можем теперь вспомнить пророческие слова Белинского, который сказал сто лет тому назад: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науку и искусству, и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещённого человечества»².

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 330 — 331.

² Белинский, Соч., т. XII, стр. 224.

Редактор *В. Каганов.*

Подписано в печать 7 апреля 1945 г. Тираж 30000 экз. А16939. Объем 2 п. л.

Заказ № 655 Цена 59 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗА при СНК РСФСР.
Москва, Краснопродетарская, 16.

